

Е.О. Гранцева¹
E.O. Grantseva

Оазисы в пустыне? Интеллектуальные журналы первых лет франкизма

Oases in the desert? Intellectual journals of the early years of Francoism

Аннотация: Многие исследователи, рассматривая ситуацию, сложившуюся в научной и культурной жизни Испании в первые послевоенные годы, характеризуют ее как время разрыва национальной интеллектуальной традиции. Действительно, Испания раскололась на победителей и побежденных, значительная часть интеллигенции покинула страну. Стремление к идеологическому монолиту, цензура, контроль и репрессии были неотъемлемыми приметами послевоенного периода, но несмотря на жесткое идеологическое давление и официальные кампании по униформизации культуры, составляющие интеллектуальной жизни страны сохраняли некоторое разнообразие, что демонстрирует само существование и содержание франкистских интеллектуальных журналов. Конечно, значительную этих изданий, затрагивающих вопросы идеологии, культуры, науки и творчества, можно назвать «условно интеллектуальными». Они, прежде всего, осуществляли пропагандистскую функцию,

¹ **Гранцева Екатерина Олеговна** - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент ГАУГН. **Grantseva Ekaterina Olegovna** - PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the State Academic University for the Humanities; <https://orcid.org/0000-0001-7449-1314>; mail: kgrantseva@yandex.ru

отражали и транслировали догматы франкистской идеологии. Однако часть из них стала настоящими «культурными оазисами», первыми площадками для обмена мнениями представителей интеллигенции и средством возвращения и реабилитации наследия довоенной испанской мысли в послевоенную интеллектуальную среду.

Ключевые слова: Испания, франкизм, культура, Испанская традиционалистская Фаланга и ХОНС, интеллектуальные журналы, примирение

Abstract: Many researchers, considering the situation that developed in the scientific and cultural life of Spain in the first post-war years, characterize it as a time of split and break in the intellectual tradition. Indeed, Spain split into winners and losers, a significant part of the intelligentsia left the country. The desire for an ideological monolith, censorship, control and repression were integral signs of the post-war period, but despite severe ideological pressure and official campaigns to uniformize culture, the components of the country's intellectual life retained some diversity, which is demonstrated by the very existence and content of Francoist intellectual journals. Of course, a significant part of the Francoist journals that touch on issues of ideology, culture, science and creativity can be called "conditionally intellectual." They, first of all, carried out a propaganda function, reflected and broadcast the dogmas of the Francoist ideology. However, some of them have become real "cultural oases", the first platforms for the exchange of views of intellectuals and a means of returning and rehabilitating the heritage of pre-war Spanish thought in the post-war intellectual environment.

Keywords: Spain, Francoism, culture, Falange and JONS, intellectual journals, reconciliation

DOI: 10.32608/2305-8773-2022-35-1-276-293

Гражданская война 1936–1939 гг. – одно из ключевых событий испанской истории XX века, острая фаза затянувшегося конфликта, в основе которого – неразрешимые противоречия идеологического и ценностного характера, непреодоленные до конца и в современной Испании. Исследование данного конфликта предполагает выделение ключевых проблем и этапов в его формировании, анализ

поисков консенсуса и преодоления раскола, оформление различных версий пути «примирения» как со стороны режима, так и со стороны оппозиционных сил. Важную роль в этом процессе играли испанские интеллектуалы и именно они предприняли первые усилия для преодоления глубинного культурного разрыва, образовавшегося в результате установления франкистского режима.

Многие исследователи, рассматривая ситуацию, сложившуюся в научной и культурной жизни Испании в первые послевоенные годы, характеризуют ее, в первую очередь, как время разрыва интеллектуальной традиции². Действительно, Испания раскололась на победителей и побежденных, значительная часть интеллигенции была вынуждена покинуть родину, кто-то на время, а многие – навсегда. Элиас Диас напрямую связывает разрушение войной привычной повседневной жизни и крах интеллектуальной сферы³, а Хосе Луис Абелян характеризует послевоенную Испанию как «интеллектуальную пустыню»⁴.

Но возможно ли говорить об Испании 1940-х годов как об интеллектуальной пустыне?

Франкистский режим в первые годы своего существования ориентировался на тоталитарные модели управления и активно внедрял их в гуманитарной сфере: в культуре, науке, образовании. Стремление к идеологическому монолиту, цензура, контроль и репрессии были неотъемлемыми приметами послевоенного периода – времени «постгерры». При этом, среди испанской творческой и научной интеллигенции были и те, кто поддержал франкистский режим, взял на себя ответственность по созданию новых культурных институтов, отвечавших задачам и потребностям новой власти. Среди них - Мануэль Мачадо, Эухенио д'Орс, Мануэль Гарсия Моренте, Эрнесто Хименес Кабальеро, Хосе Мария Пеман, Асорин, Хасинто Бенаvente и др.). Некоторые испанцы, ранее

² См.: *Morente*, 2016. P. 163-194.

³ *Díaz*, 1974. P. 20.

⁴ *Abellán*, 1971. P. 9.

покинувшие родину, но не имевшие категорических разногласий с франкистами, вернулась в страну (Рамон Перес де Айала, Сальвадор Дали, Хосе Ортега-и-Гассет). Некоторые из них своим присутствием воплощали преемственность между эпохой *Edad de Plata* - испанским Серебряным веком и франкистской Испанией. Но контраст между эпохами был очевиден – время расцвета и культурного плюрализма сменилось опустошением и догматизмом. Ситуация осложнялась не только изгнанием значительной части интеллигенции и обесцениванием франкистами культурного наследия Второй Испанской Республики, но и ситуациями внутреннего изгнания, в котором находилась значительная часть «побежденных», жесткими директивами режима, разрывом с либеральной европейской культурой.

Одним из ярких представителей франкистских интеллектуалов был Дионисио Ридруэхо, испанский поэт и политический деятель, один из основателей Фаланги, генеральный директор Управления пропаганды, со временем в корне изменивший свои взгляды, перейдя в открытую оппозицию режиму. В своей статье 1972 г. «Испанская интеллектуальная жизнь первого послевоенного десятилетия» он, как непосредственный участник событий, так обрисовал интеллектуальный пейзаж Испании первых послевоенных лет: «Наука и образование превратились в официальные службы догматического государства, которое, зачастую, передавало их в полномочия церкви. Без сомнения это служило важным арсеналом для их восстановления, но их внутренняя жизнь ограничивалась, цензурировались и управлялась в соответствии с чем-то, весьма отличным от свободного импульса, без которого вся интеллектуальная жизнь воспринимается как ремесло или служба. В теоретическом представлении (что видно в философской и социологической тематике) – она становится плачевной, в связи с доктринальными условиями и давлением цензуры, с доминированием религиозной составляющей»⁵.

⁵ *Ridruėjo*, 1972. P. 71-72

Отрицание республиканского наследия и разрыв с европейским либерализмом выступали в качестве средства защиты идеологических догматов нового режима и его ценностей. При этом стремление к идеологической униформизации отрицало возможности интеллектуальной и творческой свободы, а идеологи режима старались представить чуждую им интеллектуальную традицию как составляющую образа врага. Жесткий контроль и строгое официальное администрирование (государственное и религиозное) сопровождалось в те годы обострением не только критики, но и прямого обвинения либеральной интеллигенции, «гносного и дьявольского мозгового центра анти-Испании»⁶.

Одним из объектов для нападков стал Институт свободного образования, воспитавший значительную часть политической, культурной и интеллектуальной элиты Республики. В русле этой кампании были опубликованы такие работы, как «Интеллигенция и испанская трагедия» Энрике Суньера⁷ и коллективный труд «Мощная секретная сила: Институт свободного образования», вышедший в свет в 1940 г.⁸

Возможно ли было найти оазис в этом культурном ландшафте, которой и правда напоминал пустыню, особенно на контрасте с первыми тремя десятилетиями XX века?

Для начала надо отметить, что несмотря на жесткое идеологическое давление и официальные кампании по униформизации культуры, составляющие интеллектуальной жизни страны сохраняли различие настроений, отражающие мозаичность ценностных установок представителей «национальной Испании»: «невозможно, чтобы все они имели единственную концепцию, единственную идею, какой должна была стать Испания в 1939 году», - отмечает Элиас Диас⁹.

В поисках отражения мозаичности ценностных установок франкистской интеллектуальной элиты и разыскивая оазисы в

⁶ *Mainer*, 1971. P. 47.

⁷ *Suñer*, 1937.

⁸ *Una poderosa fuerza secreta*, 1940.

⁹ *Díaz*, 1974. P. 20.

«культурной пустыне», имеет смысл обратиться к феномену франкистского интеллектуального журнала.

Традиционный литературно-художественный журнал в XX веке стал основой для формирования особого типа гуманитарного журнала – «интеллектуального», в котором «синтезируется пространство культуры, литературы, творчества и науки»¹⁰, создаются и транслируются идеологические и культурные ценности.

В довоенный период в Испании одним из таких знаковых журналов стал *Revista de Occidente*, издаваемый Ортегой-и-Гассетом с 1923 по 1936 гг. В 1931 году появился журнал *Acción Española*, сыгравший огромную роль в формировании идеологии правых сил в годы Второй Республики¹¹.

В годы войны новые идеологические установки стал транслировать журнал *Jerarquía. La revista negra de la Falange* (Иерархия. Черный журнал фаланги). Он был основан священником и ультраправым пропагандистом Фермином Изурдиагой в 1936 году в Памплоне. Качественное оформление издания содержало всю визуальную атрибутику фалангистов, а его содержание очевидно демонстрировало увлеченность издателей идеями итальянского фашизма и ориентацию на журнал *Gerarchia*, основанный Муссолини¹². Но в отличие от итальянского издания, существовавшего с 1922 по 1943 годы, в Испании с 1936 по 1938 гг. вышло только четыре номера *Jerarquía*, однако это не помешало изданию обрести символический характер рупора испанской фаланги и ее единомышленников. В издании журнала, кроме Изурдиага, принимали участие Карлос Фояка де ла Конча, Рафаэль Гарсиа Серрано, Альфонсо Гарсиа Вальдекасас, Эрнесто Хименес Кабальеро и Педро Лаин Энтральго, а среди авторов были такие знаковые фигуры как Эухенио д'Орс и Дионисио Ридруэхо. Помимо выпуска журнала, одноименная издательская группа

¹⁰ Зверева, Гордеева, 2019. С. 115–128.

¹¹ Филатов, 2021. С. 260–277.

¹² См. подробнее: *Duplá Ansuategui*, 2012. P. 813-837.

публиковала близкую по идейному содержанию художественную литературу, включая книги самого Фермино Изурдиаги или сборник Дионисио Ридруэхо «Вооруженная поэзия». Эта группа в 1941 году волилось в одно из главных издательств франкистской Испании *Editora Nacional*, возникшее под руководством Педро Лаина Энтральго в 1941 году.

Если *Jerarquia* можно характеризовать как фалангистский элитарный журнал с явной итальянской ориентацией, то иллюстрированный журнал *Vértice*, выходивший изначально в Сан-Себастьяне, а затем в Мадриде, при высоком качестве издания был рассчитан на более широкую аудиторию и его история существования была длиннее – 83 номера, изданных с 1937 по 1946 год. Издание большого формата, в производстве которого использовались материалы высочайшего качества и великолепная полиграфия, продавалось по сравнительно высокой цене и предоставляло значительную часть своих страниц для рекламы, чтобы компенсировать значительные издательские затраты. При этом авторские материалы, переводы, фотографии, рисунки и реклама в содержании журнала соседствовали с портретами Хосе Антонио Примо де Ривера и самого Франко. Журнал начал выходить во время войны и в первых его номерах, имевших подзаголовки «Национальный журнал Фаланги», затем изменившийся на «Национальный журнал Фаланги и ХОНС», неизменно присутствовал отклик на фронтовые события и значимость пропагандистской составляющей в условиях войны. Свое место издание определило в обращении к читателям: Опубликованном в первом номере: «*Vértice* уже есть и всегда будет великим национальным журналом, честью и гордостью нашей Новой Испании»¹³.

Как визуальное, так и литературное содержание журнала в целом полностью соответствовала пропагандистским целям фалангистов, подключавшим к их осуществлению лучшие творческие силы из числа своих единомышленников, таких как

¹³ *Vértice*, revista nacional de la Falange. Abril de 1937.

Гонсало Торренте Баллестер, Рафаэль Санчес Масас, Эрнесто Хименес Кабальеро, Карлос Саенс де Техада и др. Но, несмотря на громкие имена авторов, это был скорее «псевдоинтеллектуальный» журнал, ориентированный на обеспеченных читателей¹⁴.

Анализируя происходившие в начале 1940-х гг. процессы спустя три десятилетия, Дионисио Ридруэхо, чьи тексты появлялись и на страницах *Vértice*, подчеркивал разобщенность «национальной Испании», составляющие которой не всегда совпадали с очевидным делением на «католиков» (старые) и «фалангистов» (новые) и говорит о «новых католиках» и «старых фалангистах»¹⁵. По словам Ридруэхо, «скоро стало заметно, что эти группы, интегрировавшиеся в сложившуюся систему, определялись двумя различными устремлениями, не только с точки зрения идеологии, но также внутреннего настроения. Одну из них можно назвать интегристской, объединяющей религиозный и национальный сектора. Здесь речь идет о контрреволюционерах, реставраторах знаменитой «вечной Испании», которую, очевидно, никто никогда не знал, потому что вечность не является историей... Другая совокупность включала в себя представителей, ориентировавшихся на ценность интеллектуальной жизни. Для них также важно было служить Испании, но это служение подразумевало искренность, невозможную в условиях невежества и запретов»¹⁶.

Именно среди представителей этой второй группы, в сложнейших условиях послевоенного времени, постепенно оформлялась не стремление к разрыву, а иллюзорная надежда на исправление ошибок прошлого, не раз разбивавшаяся о многочисленные препятствия, но возрождавшаяся вновь. Ридруэхо отмечает, что именно эта часть представителей франкистской интеллектуальной элиты выстраивала хрупкий мост между прошлым и будущим, стремилась возродить то, что

¹⁴ *Gracia, Ruiz Carnicer*, 2004. P. 164.

¹⁵ *Ridruejo*, 1972. P. 72.

¹⁶ *Ibid.* P. 73-74.

можно было возродить: «Заполнить неквалифицированным персоналом золотые клетки «города ученых» или учебные классы было бы бессмысленно. Чтобы избежать этого, необходимо было принять другую точку зрения и допустить возвращение некоторой интеллектуальной свободы. Эта группа отвергала культурную нечистоплотность и разделение на сторонников и противников, противопоставляя этому критерий профессионализма. В послевоенной Испании, все то немногое, что оставалось в интеллектуальной сфере, было ценным, - слишком многое и многих страна потеряла за эти годы. Потому актуальной проблемой стало возвращение всего, что еще можно было вернуть»¹⁷.

Рупором этого процесса стал журнал *Escorial*, основанный в 1940 г. в Мадриде Национальной Делегацией прессы и пропаганды Испанской Фаланги ХОНС и издававшийся вплоть до 1950 г. Главным редактором журнала стал Дионисио Ридруэхо, а его заместителем – Педро Лаин Энтральго. Вместе с ними издании журнала принимал участие Антонио Товар, профессор-гуманитарий и убежденный фалангист. Свообразие их позиции состояло в том, что они, оставаясь национал-синдикалистами, стремились выйти из стесняющих их норм правого католического мышления. Они чувствовали себя, по выражению Ридруэхо, «свободно верующими и слегка антиклерикальными». В дальнейшем Лаин Энтральго назвал «парадоксальной» эту их субъективную направленность на отстаивание «интеллектуального либерализма» не вопреки, а во имя идеалов фаланги¹⁸.

В отличие от *Jerarquía*, *Escorial* быстро сформировал условия для осуществления устремлений своих создателей по возвращению наследия «великих интеллектуальных журналов довоенного времени»¹⁹.

Издатели *Escorial*, по словам Ридруэхо, «стремились спасти и вернуть все подлинные ценности предшествующего

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Пономарева, 1989. С. 59.

¹⁹ Mainer, 1971. P. 53

периода», сделать так, чтобы «интеллектуальная жизнь Испании была достойна своего имени»²⁰, создать условия для возвращения к работе профессионалов, представителей творческой и научной интеллигенции.

Первый выпуск *Escorial* вышел в ноябре 1940 года и это события произошло при участии Рамона Серрано Суньера, контролировавшего партийные и государственные службы печати и пропаганды. Путь журнала начинался в атмосфере жестких идеологических установок, стремящимся походить на существовавшие тогда тоталитарные образцы Италии и Германии. Дальнейшее существование издания отражало трансформации и кризисы, которые переживала Фаланга внутри франкизма, включающего отход журнала от изначальных пропагандистских целей, обозначенных режимом.

Как уже было отмечено, в момент создания во главе *Escorial* находились видные идеологи фалангизма Дионисио Ридруэхо, руководивший отделом пропаганды Фаланги и ХОНС (до октября 1942 г.) и Педро Лаин Энтральго, в свое время входивший в издательскую группу *Jerarquia*, а теперь руководитель издательства *Editora Nacional*. Вместе с Ридруэхо, Лаином и Товаром в создании и развитии журнала участвовали наиболее видные представители культурной среды тех лет, а также наиболее активные пропагандисты из числа фалангистов: Луис Росалес, Луис Фелипе Виванко, Гонсало Торренте Баллестер, Эмилиано Агуадо, Хосе Мария Альфаро, Педро Мурлан Микелена. Хосе Луис Лопес Арангурен, Хуан Хосе Лопес Ибор и др. Среди авторов журнала можно встретить и такие значимые имена испанской культуры как Пио Бароха, Азорин, Менендес Пидаль и Грегорио Мараньон.

Escorial, в момент своего создания, позиционировал себя как платформу для обсуждения вопросов построения «Нового государства», возникавших применительно к культурной сфере, включая вопросы политики, религии, философии, литературы, художественной критики, искусства, истории, права, кинематографа и театра, включая сам фалангизм. В орбиту его

²⁰ Ridruejo, 1972. P. 72.

интересов входило также обсуждение различных культурных концепций, сформулированных предшествующей гражданской войной эпохой, в их взаимодействии с установками франкистского режима. Именно поэтому на страницах *Escorial* можно было встретить имена представителей либеральной культуры, не покинувших франкистскую Испанию, но их число, безусловно, значительно уступало реакционно настроенным авторам, преобладавшим в журнале. Несмотря на очевидность пропагандистских целей, стоявших перед *Escorial* и звучащие с его страниц требования по устранению идеологических оппонентов, значительная часть содержания, а главное, сама потенциальная возможность для альтернативного высказывания, возникшая в данном издании, позволяют отнести его к направлению оформлявшегося «либерального фалангизма».

Несмотря на значимость пропагандистской функции, *Escorial* смог стать *интеллектуальным журналом* в полном смысле этого термина – и по охвату тем, и по амбициям, и по ширине их воплощения. Его создали изначально чувствовали потребность в возрождении испанской интеллектуальной культуры. Манифест, опубликованный в первом номере, открывался такими словами: «Нам было интересно создать журнал, который был бы представительством и наблюдательным пунктом испанской интеллигенции, где могли бы транслироваться и объединяться образцы работы испанского духа, не исчезнувшего из произведений искусства и культуры, несмотря на многие горести и нападки, которые долгое время препятствовали его существованию как идеи и реализации как действия»²¹. Данный манифест также содержал обширное воззвание к испанской интеллигенции: «Мы объявляем здесь, в качестве надежного и благородного правила нового поколения, что все испанские ценности, которые не исчезли, должны служить нам... Мы обращаемся ко всем, так как в момент восстановления общности мы не допускаем, что она будет восстанавливаться с сомнениями и оговорками; и

²¹ *Escorial*. №1, noviembre de 1940.

если мы хотим содействовать восстановлению интеллектуальной общности, мы обращаемся ко всем интеллектуалам и писателям для того, чтобы они лучшим образом могли реализовать свое призвание... этот журнал не есть средство пропаганды, но честный и искренний профессиональный журнал сферы культуры и гуманитарных наук. Мы не думаем просить, кого-нибудь делать здесь лирическую апологию режиму или заниматься самооправданием»²².

Отрицая свою причастность к политической пропаганды, *Escorial* все же не мог, по словам Хуана Карлоса Майнера, «избежать приверженности националистической идее в сфере культуры; начиная с названия и сурового облика журнала, все здесь было пропитано данной идеей»²³. По словам анонимного автора (в действительности, авторство манифеста принадлежало Педро Лайну Энтральго), создатели журнала стремились к «пропаганде, в высоком значении этого слова, пропаганде трудов Испании, которые будут работами духа и разума»²⁴. Широта призыва создателей журнала не исключала идеи высшей культуры, предназначенной распространяться со своих вершин на абстрактный народ, ищущий своего духовного проводника. Х. К. Майнер отмечает: «Относительное противоречие между изначальными основными намерениями - «пропаганды, в высоком значении этого слова» и окончательными результатами – либеральным журналом, или его прототипом – ясно говорит об ограничениях, тревогах и сомнениях издательской группы, которая положила ему начало, тесно зажатой между интеллектуальным призванием в либеральном смысле и привлекательным соблазном национальной революции и условиями духовного тоталитаризма. Победа в гражданской войне была для них

²² Ibid.

²³ Mainer, 1971. P. 53.

²⁴ *Escorial*. №1, noviembre de 1940.

пирровой победой, которая, до того как вдохновить их на свершения, открыла счет гражданской ответственности»²⁵.

Концепция «либерального фалангизма»²⁶ вскоре начала активно критиковаться. В 1942 г. серия политических обстоятельств определила отставку правительства. В этот период прекращается идеологическое влияние группы, связанной с журналом *Escorial* и политических надежд с ним связанных²⁷. Журнал перешел в управление консервативного крыла, выступавшего против интегративной направленности Ридруэхо и Лаина Энтральго. Консервативная реакция, приписывающая себе духовную составляющую мятежа 1936 года, заявила о возвращении к патриотической и религиозной сути политической и культурной линии, начатой Менендесом Пелайо, продолженной Васкесом де Мелья и завершенной Рамиро де Маэсту. Под флагом данной идеологии работал Высший совет научных исследований (CSIC), основанный в 1940 году.

Рупором CSIC стал журнал *Arbor*, который превратился в 1945 г. в официальный печатный орган совета²⁸. Издание находилось под непосредственным контролем *Opus Dei* (в лице заместителя директора Хосе Мария Санчеса де Муниаина Хилья) и отражало католическую национальную концепцию развития науки. В целом тематика журнала была связана с вопросами науки, философии и культуры, а его в числе его основателей и издателей были Лопес Ортис, Рафаэль Кальво Серер, Флорентино Перес Эмбид, Федерико Сопенья Ибаньес, Раймон Паниккар, Рамон Рокер и др.

В отличие от интегрингистской линии *Escorial* (в политическом и интеллектуальном смысле), распространившим свое влияние на университетскую среду в целом, *Arbor* и сам Высший совет научных исследований объединили некоторые сектора католиков, которые транслировали политические позиции и

²⁵ Mainer, 1971. P. 54–55.

²⁶ См.: López Baroni, 2012. P. 467-490.

²⁷ Mainer, 1971. P. 60–61.

²⁸ См.: Pérez-Embid, 2003. P. 305-316.

доктрины философии контрреволюции. Именно консервативный католицизм в тот момент стал господствующим направлением, иногда немного смягчавшимся, исходя из «необходимости большего уважения к науке и ученым».²⁹

В середине 1940-х – начале 1950-х гг. в области внутренней и внешней политики произошли изменения, обозначившие начало некоторой либерализации, наметился сходный процесс и в сфере культуры. Период с 1945 по 1947 гг. был сложным для франкистского режима – надо было выживать и преодолевать международную изоляцию. Эти условия спровоцировали некоторое ослабление внутреннего давления, но антилиберальные идеологические установки в культурной сфере сохранялись, менялись только акценты – от ярко выраженного антикоммунизма на защиту «ценностей христианской цивилизации»³⁰.

В это время была сформулирована идея «органической демократии», кортесы одобрили «Хартию испанцев» (17 июля 1945 г.) и закон о Национальном референдуме (22 октября 1945 г.). 27 июля 1947 г. был принят «Закон о наследовании поста главы государства». В 1943 г. Фаланга была переименована в Национальное движение (исп. *Movimiento Nacional*), а основные политические силы распределились между четырьмя секторами: фалангисты, традиционалисты, монархисты и «Национальная католической ассоциация пропагандистов» (*Asociación Católica Nacional de Propagandistas*, АСdNP). После 1945 г. монархисты и католики начали теснить традиционалистов и фалангистов, еще сохранявших приверженность тоталитарным установкам. На этом фоне взгляды все большей части интеллектуалов и политиков начали изменяться в либеральную сторону.

Ключевой для интеллектуальной сферы в Испании в этот момент стала полемика между католиками-апертуристами, близкими к либеральному фалангизму издателей *Escorial*, с

²⁹ Díaz, 1974. P. 39.

³⁰ Díaz, 1974. P. 39.

католиками-интегрисстами, представлявшими Высший совет научных исследований и журнал *Arbor*. Противоречия между теми, кого Дионисио Ридруэхо, обозначал как «принимающие» и «исключающие» группы франкистских интеллектуалов обострились и выходили на политический уровень: Альберто Мартин Артахо (в Министерстве иностранных дел), Фернандо Мариа Кастиелья (в различных посольствах, в том числе в Ватикане) и Хоакин Руис-Хименес, возглавивший в тот момент Институт испаноязычной культуры, вели работу по либерализации политики и культурной сферы как внутри страны, так и на международном уровне. Эта тенденции стали еще очевиднее в первой половине 1950-х гг., когда Руис-Хименес возглавил Министерство национального образования.

Среди интеллектуалов одним из символов ориентации на интеграцию либерального культурного наследия в официальную академическую среду стал Хулиан Мариас, либерал и ближайший ученик Ортеги-и-Гассета. Не менее символической фигурой был и испанский философ Хосе Луис Арангурен.

Элиас Диас обозначает следующие этапы «возвращения и реабилитации» наследия довоенной испанской мысли в послевоенный культурно-политический контекст: первыми были Хоакин Коста и его последователи, изначально «интегрированные» в режим; затем другие представители «поколения 1898 года» (в первую очередь, Асорин и Мануэль Мачадо); потом Ортега и ортегианцы (а также некоторые другие представители «поколения 1914 года»); четвертыми были краусисты и институционалисты (многие из которых были символическими фигурами испанской эмиграции); пятыми – политики-республиканцы (Асанья) и социалисты-демократы (Хулиан Бестейро и Фернандо де лос Риос). Шаг за шагом шла интеграция их наследия в послевоенное испанское либеральное мышление. Так в 1945–1946 гг. внутренняя эволюция нашла возможности воспринять, с ограничениями, третий уровень «инакомыслия» (т.е. уровень Ортеги-и-Гассета и ортегианцев), укрепляла эту тенденцию вплоть до 1956 года,

следующий же уровень (краусисты и институционалисты) будет достигнут к 1962 г.³¹

Очевидно, что перелом в отношении к испанскому довоенному наследию совершили именно интеллектуалы-фалангисты из *Escorial*. В течении 1940-х гг. влияние тех, кто представлял культуру довоенной Испании, чувствовалось все сильнее: здесь работали Бенавенте, Асорин, Бароха и Мараньон, вернулись Ортега и Рамон Перес де Айала, а Рамон Гомес де ла Серна. В духовном смысле Испанию возвращала себе наследие Мигеля де Унамуно, Антонио Мачадо, Рамона Валье Инклана, Федерико Гарсия Лорки и др.

Стремление к преодолению культурного разрыва, отразившееся на страницах журнала *Escorial*, продолжили такие издания как *Ínsula* и *Índice*. Эти журналы способствовали восстановлению интеллектуальной среды и ее развитию в новых условиях.

Índice, возглавляемый Хуаном Фернандесом Фигероа, появился в 1945 г., и стал одним из самых влиятельных журналов на рубеже 1950-1960-х гг. У издания не было четко выверенной идеологии, но его страницы были открыты для разнообразных тем политического и культурного характера³².

Почти одновременно с *Índice*, в 1946 г. был основан журнал *Ínsula. Revista de Letras y Ciencias Humanas*, посвященный исследованиям и темам литературного характера. Во главе этого издания стояли Энрике Канито и Хосе Луис Кано. Особую роль *Ínsula* сыграл в деле сближения литературы эмиграции с внутренней литературной жизнью Испании, а так же информирования о культурной жизни в стране и за ее пределами³³.

Среди других значимых литературных журналов можно назвать *Garcilaso. Juventud creadora* (выходил с 1943 по 1946 гг.) и леонский поэтический журнал *Espadaña* (выходил с 1944 по 1951 гг.), представлявшие собой рупор двух

³¹ Díaz, 1974. P. 57.

³² Díaz Hernández, 2007. P. 201-224.

³³ Gracia, 2006. P. 296-301.

противостоявших друг другу течений в испанской поэзии послевоенного времени. Если *Garcilaso* представлял свои страницы представителям классического направления, то среди авторов *Espadaña* встречается немало представителей испаноязычной поэзии, остававшейся в стороне или находившейся в оппозиции по отношению к культурным установкам франкистского режима, среди них Хосе Йерро, Габриэль Селайя, Блас де Отеро, Пабло Неруда и уже покойные на тот момент Сесар Вальехо и Мигель Эрнандес.

В то же время большинство журналов университетской среды было связано с Испанским университетским профсоюзом (*Sindicato Español Universitario, SEU*). Еще в 1935 г. появился одиозный журнал *Haz*, закрывавшийся и вновь возрождавшийся в годы войны, а после ее окончания ставший пропагандистским рупором режима, смягчавшим догматическое содержание актуальным оформлением. В 1942 г. начал выходить не менее догматичный журнал *SEU Juventud*, среди сотрудников которого была такая знаковая для испанской культуры фигура как Камило Хосе Села. В том же 1942 г. появился журнал *La Hora*. В 1947 г. его сменил *Alfárez*. А 1948 *La Hora* возобновила свое существование, позиционируя себя как журнал университетский, антикапиталистический и антикоммунистический³⁴. В 1950-е гг. эту линия была продолжена журналом *Alcalá*.

Несмотря на пропагандистский пафос, такие журналы как *La Hora* и *Alfárez* также испытывали на себе тенденции, наиболее ярко выраженные *Escorial*, а молодые люди, создававшие эти журналы, часто уже не готовы были поддаваться сами идеологической обработке и прямолинейно транслировать ее читателем.

На страницах этих журналов, пусть и в скрытой форме, но уже вполне осознано начала формулироваться культурная повестка, основанная на стремлении преодоления раскола испанской культуры, формировавшая фундамент для новой интеллектуальной среды 1950-1960-х гг.

³⁴ *Gracia, Ruiz Carnicer*, 2004. P. 175-176.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Зверева Е.А., Гордеева М.М.* Современные интеллектуальные журналы как явление культуры и цивилизации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 115–128. Zvereva E.A., Gordeyeva M.M. Sovremennyye intellektual'nyye zhurnaly kak yavleniye kul'tury i tsivilizatsii // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. T. 18, № 6: Zhurnalistika. S. 115–128. [Modern intellectual journals as a phenomenon of culture and civilization].
- Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX века. М.: Наука, 1989. Ponomareva L.V. Ispanskiy katolitsizm XX veka. M.: Nauka, 1989. [Spanish Catholicism of the 20th century].
- Филатов Г.А.* Франсиско Франко и формирование идеологии правых на примере журнала *Acción Española* // Латиноамериканский исторический альманах, 2021, №32. С. 260–277. Filatov G.A. Fransisko Franko i formirovaniye ideologii pravyykh na primere zhurnala Acción Española // Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh, 2021, №32. S. 260–277. [Francisco Franco and the formation of the ideology of the right on the example of the magazine Acción Española].
- Abellán J.L.* La cultura en España (Ensayo para un diagnóstico). Madrid, 1971.
- Díaz E.* Notas para una historia del pensamiento español actual. Madrid, 1974.
- Díaz Hernández O.* Las revistas culturales en la España de la posguerra (1939-1951): Una aproximación // Cuadernos del Instituto Antonio de Nebrija (Universidad de Navarra). 2007. №10. P. 201-224.
- Duplá Ansuategui A.* La revista falangista Jerarquía y el modelo imperial romano // Vasconia. 2012. №38. P. 813-837.
- Gracia J.* Estado y cultura. El despertar de una conciencia crítica bajo el franquismo, 1940-1962. Barcelona: Anagrama, 2006.
- Gracia J., Ruiz Carnicer M.A.* La España de Franco (1939-1975). Cultura y vida cotidiana. Madrid: Síntesis, 2004.

López Baroni M.J. El falangismo liberal y la transición española // Revista internacional de pensamiento político. 2012. Vol. 7. P. 467-490.

Mainer J.C. Historia literaria de una vocación política. (1930-1950) // Falange y Literatura. Barcelona, 1971.

Morente F. La historia de los intelectuales durante el franquismo: un ensayo bibliográfico // Bulletin d'Histoire Contemporaine de l'Espagne. 2016. №50. P. 163-194.

Pérez-Embid F. Breve historia de la revista *Arbor* // *Arbor: Ciencia, pensamiento y cultura*. 2003. N° 687-688. P. 305-316.

Ridruejo D. La vida intelectual española en el primer decenio de la postguerra // *Triunfo*. №507 Extra. 17 de junio. 1972.

Suñer E. Los intelectuales y la tragedia española. Burgos: Editorial Española, 1937.

Una poderosa fuerza secreta. La Institución Libre de Enseñanza. San Sebastián: Editorial Española, 1940.